

Е.В. Семенничева

СВЕТСКИЙ ПОРТРЕТ М.М. ТУЧКОВОЙ В СОБРАНИИ БОРОДИНСКОГО МУЗЕЯ

В конце 1840 г. в Святейший Синод из Спасо-Бородинского монастыря, как, впрочем, и из других монастырей Московской епархии, по установленному порядку была предоставлена ведомость о настоятельнице обители, другими словами, формулярный список игумении Марии (Тучковой), ею же самой и подписанный.

В заполненной каллиграфическим почерком таблице среди прочей информации указана точная дата окончательного обоснования М.М. Тучковой на Бородинском поле: «По устройению ею ... с разрешения начальства Храма во имя Всемиловейшего Спаса жительство вала при оном с 1826 Октября 22»¹.

За шесть дней перед тем, 16 октября, в метрической книге московской церкви Харитона Исповедника, что в Огородниках появилась запись: «На Заборовском архиерейском подворье генерал-майорши Маргариты Михайловны Тучковой умре сын ея, Его Императорского Величества паж Николай Александрович Тучков»². Указан возраст – 15 лет и причина смерти – простуда. Трагические подробности кончины юного Тучкова содержатся в письме А.Я. Булгакова к брату, отправленном из Москвы 8 октября. Уже тогда более чем за неделю до смерти он писал: «... умирает гнилою горячкой единственный сын Тучковой, мальчик прекрасный, 15 лет, которого она обожала. У нее самой начинается белая горячка: она бегает в рубашке по всему дому, кричит, требует помощи. Бедная, несчастная мать»³.

Сын умирал долго, и она понимала, что он умирает. Надо полагать, кто-то из близких пригласил приходского священника, чтобы исповедать и приобщить умирающего, до Харитоньевской церкви было не более ста метров.

Похоронить его в Донском монастыре, в семейном некрополе Нарышкиных, Тучкова отказалась. Причт церкви Харитона Исповедника в полном составе сопровождал гроб с телом сына к с. Бородино Можайской округи в церковь Всемиловейшего Спаса на Семеновских батареях. Мы понимаем, что сделать это самовольно она не могла, требовалось разрешение священноначалия. Этим да еще и неблизким расстоянием можно объяснить погребение на седьмой день после смерти.

Стоит ли говорить, как изорвалось ее сердце за эти семь дней. *Се аз, Господи, и чадо еже ми дал еси!* Оставить его одного в склепе, который готовила для себя, было невозможно. Благо было где остановиться. Напротив храма для нее был выстроен небольшой домик.

В пересказе А.Н. Муравьева сама М.М. Тучкова упоминает о нем: «Сперва я очень занята была построением церкви; для себя же поставила малый домик, в виде сторожки, куда приезжала только на время, чтобы наблюдать за работами...»⁴.

Определить точное время строительства дома не представляется возможным. На гравюре, выполненной по рисунку с натуры П. Свинына в 1820-е годы, дом отсутствует. Изображен лишь храм и небольшая деревянная звонница.

Подтверждение факта существования дома в начале становления обители находим в литературных источниках. «Первые годы жизни на Бородинском поле Маргарита Михайловна провела в небольшом деревянном одноэтажном домике-сторожке, выстроенной против самой Спасской церкви. Это было первое здание, воздвигнутое вдовой на том месте, где впоследствии суждено было образоваться целой обители. Домик этот известен у монастырских сестер под именем „кельи матушки Марии“»⁵. «Самая дорогая и священная достопримечательность Спасо-Бородинского монастыря – деревянный домик, в котором жила Тучкова, названный ею „сторожкой“, – первая постройка обители».⁶

После того как в конце 1830-х годов в монастыре был выстроен каменный келейный корпус, игуменья Мария жила в домике-сторожке только в теплое время года. Не беремся утверждать, что именно в нем она скончалась 29 апреля 1852 г. (по ст. ст.). Но после ее смерти по распоряжению митрополита Московского и Коломенского Филарета в домике было устроено то, что сейчас принято называть мемориальным музеем. В сочинениях Н.П. Тимофеева (По полям Бородина. Очерк из путевых заметок и впечатлений. М., 1880), а также К.А. Борисова, А.А. Брайковского описаны не только экстерьер и интерьеры

дома, но и мемориальные предметы, связанные с памятью о его обительнице.

После ликвидации монашеской общины в 1929 г., строения использовались различными организациями. Но «на территории монастыря были два здания, имеющих особое историческое значение (ими обычно особенно интересовались экскурсанты): это маленькая церковка ... на среднем редуте около памятника, и дом, в котором жила основательница монастыря М.М. Нарышкина, жена генерала Тучкова 4-го. До 1927 года они находились в собственности монастыря. При осмотре экскурсантами этих памятников возникала постоянная трудность: монахиня, которая их охраняла, часто бывала занята по хозяйству, а ключи находились у нее». Так продолжалось пока «уездный Исполком и музейный отдел МОНО не принял решения о передаче этих двух зданий Бородинскому музею. С тех пор, т.е. с июня 1927 г., церковь Спаса и дом Нарышкиной стали филиалами музея. Обстановка дома Нарышкиной полностью сохранялась до начала войны 1941» (Ответ Г. Мухина от 10 января 1971 г. на запрос сотрудника музея О.И. Середы от 4 января 1971 г.).

Информация, почерпнутая в письме из личного архива сотрудника Бородинского музея, находит подтверждение в документах государственных архивных хранилищ.

В докладе члена Комиссии по охране памятников искусства и старины Московской области Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Н.А. Алексеева о результатах осмотра исторических памятников (1918 г.) «домик памяти Тучковой» назван монастырским музеем. Он «находится в ведении монашек; все в безукоризненной чистоте и сохранности»⁷.

Домик упоминается и в отчете от 12–13 сентября 1936 г. старшего научного сотрудника Государственного Исторического музея П.Г. Рындинского, прибывшего в Бородино для оказания методической помощи в экспозиционной работе. «Вещи Тучковой хранятся в ее деревянном домике в монастыре, небольшая их часть уже взята в музей. (Можно смело утверждать, что, к примеру, письмо П.П. Коновницына и карта были среди них.) Сохранять эти вещи в доме нецелесообразно, так как требует дополнительных средств на ремонт и охрану»⁸.

В отчете Совету Народных комиссаров СССР о «детальном обследовании состояния Бородинского поля и памятников Бородинской битвы» от 20 июня 1937 г. за подписью наркома просвещения А. Бубнова находим «мавзолей-церковь на территории бывшего монастыря Туч-

ковой и домик Тучковой». «Мавзолей-церковь Тучковых имеет историческую и художественную ценность. Стоимость ремонтных работ определяется в 20 тысяч рублей. Домик Тучковой имеет историческую ценность. Необходимо отремонтировать полы, печи, крышу и восстановить террасы. Стоимость ремонта определяется в 15 тысяч рублей. После ремонта наиболее целесообразно отвести домик Тучковой под дом для туристов»⁹. В отчете есть упоминание о том, что уже в то время «часть этого дома (была) занята под жильё».

Возвращаясь же к отчету П.Г. Рындзюнского, приведем интересную информацию о составе коллекционного материала игуменьи Марии. Им были упомянуты «портреты митрополита Филарета Московского и других политических деятелей, портрет Тучковой до пострижения в монахини, письмо к ней Коновницына, вериги, разрешение на основание монастыря, портрет Тучковой-игуменьи, подаренный Тучковой императрицей, часть мебели и другие мелкие вещи»¹⁰. Нас в этом перечне интересует прежде всего «портрет Тучковой до пострижения в монахини».

Согласно акту «Об ущербе и убытках, причиненных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками Бородинскому военно-историческому музею» от 3 июля 1943 г., «22 января (?) 1942 года при отступлении из района Бородинского поля немецко-фашистские войска разграбили и сожгли Бородинский военно-исторический музей и его филиалы на Бородинском поле: 1) домик М. Тучковой и 2) часовню-усыпальницу Тучковой, где уничтожили внутреннее оформление (иконостас, надгробие и т.д.)...»¹¹ В Приложении № 2 к указанному акту «О значении филиала Бородинского военно-исторического музея – домика М. Тучковой и часовни-усыпальницы М. Тучковой в бывшем Спасо-Бородинском монастыре» директор музея С.И. Кожухов написал: «Так называемый „домик М. Тучковой“ был одним из наиболее старых строений на Бородинском поле. Он был построен М. Тучковой... в 1818–1820 гг. одновременно с часовней-усыпальницей и рассматривался как один из интереснейших памятников Бородинского поля. В нем хранились личные вещи и обстановка, принадлежащие генералу А. Тучкову. В нем жила и умерла вдова А. Тучкова, М. Тучкова...»¹² (ЦГАОР СССР, ныне ГА РФ). Ущерб, нанесенный оккупантами, уничтожившими «домик Тучковой», представлявший собой подлинный бытовой комплекс музейных предметов, был оценен в 105 тыс. руб.

Но не все погибло в огне того пожара... Обратимся к научному паспорту музейного предмета (без даты). «Во время отступления гит-

леровцев строение бывшего Спасо-Бородинского монастыря было сожжено. Сгорел и домик Тучковой Маргариты Михайловны. Жителями был спасен единственный столик М.М. Тучковой, в выдвижном ящике столика были две миниатюры. Миниатюрный портрет М.М. Тучковой и ее сына Николая».

Нам картина представляется эпической. Январь 1942 г., сорокаградусный мороз, горит д. Семеновское, столбы дыма в морозном воздухе поднимаются там, где было с. Бородино, деревни Горки, Шевардино, Валуево, в огонь ввергнуты и многочисленные деревянные постройки монастыря, возможно, еще мелькают поблизости мышиного цвета шинели, возможно, слышен треск автоматных очередей, возможно, кричат женщины, возможно, плачут дети... На небольшом пространстве между погибающим в огне домиком и затягивающимся дымом классическим портиком храма жители с недоумением смотрят на изящный красного дерева столик, который они зачем-то вынесли из огня, возможно, забыв о своем имуществе. Рука тянется к выдвижному ящику и... на морозный Божий свет являются портреты матери и сына... «Сез, Господи, и чадо еже ми дал еси...»

К сожалению, довоенная учетная документация Бородинского музея (а мы помним, что домик Тучковой был его филиалом) не сохранилась. После Великой Отечественной войны, в 1947 г., была начата, а в июле 1950 г. окончена новая Книга поступлений, где, условно говоря, «довоенные» музейные предметы записывались как «старые поступления». Точная дата их появления в фондах музея не указывалась, однако же отмечалось их происхождение, и, в частности, в этой послевоенной Книге поступлений можно обнаружить формулировку «Вещи из домика Тучковой», а именно:

«1674. Маргарита Тучкова. Неизв. художника

1675. Александр Тучков миниатюра (похищен. Акт №8 от 18 июля 1951)

1676. Сын Тучковых. Портрет миниатюра».

В 1950 г. по необъяснимым причинам была заведена Книга поступлений № 2, которая велась до 1966 г. В ней 28 августа 1961 г. были записаны поступившие «из домика Тучковой» предметы:

«8/260. Миниатюра М.М. Тучковой

9/261. Миниатюра сына Тучковых (Николая)».

Одновременно с Книгой поступлений завели Инвентарную книгу БМ-1. 12 апреля 1960 г. задним числом внесли в нее под 1959 г. тот самый столик:

«7/649. Столик красного дерева (полированный) на одной центральной фигурной подставке, с выдвижным, под крышкой, ящичком. Находился в домике М.М.Тучковой в бывшем Спасо-Бородинском монастыре.

8/260. Миниатюра Маргариты Михайловны Тучковой. Работа неизвестного художника. Поступила из домика Тучковой после пожара.

9/261. Миниатюра сына Тучковых Николая в 5-летнем возрасте. Работа неизвестного художника».

Книга БМ-2 действовала до 28 ноября 1980 г. В конце концов обе они были погашены решением МК РСФСР.

В I-м томе новой Книги поступлений 20 января 1981 г. была сделана запись:

«492. Миниатюра Маргариты Михайловны Тучковой. Работа неизвестного художника.

493. Миниатюра Николая Тучкова, сына А.А. и М.М. Тучковых в 5-летнем возрасте. Работа неизвестного художника».

Необходимость завести инвентарные книги по коллекциям «разлучила» эти два миниатюрных портрета. Портрет мальчика, поскольку он был выполнен гуашью по кости, оказался в инвентарной книге коллекции «Графика», портрет его матери, написанный маслом на медной пластине – в инвентарной книге «Живопись». Запись от 16 мая 1982 г. гласила:

«Ж-159. Портрет Маргариты Михайловны Тучковой. Изображена по пояс, $\frac{3}{4}$ вправо, в овале, без фона. В коричневом платье с белым воротником. В белом чепце с голубыми лентами, на висках букли». Из описания вытекает заключение, что речь идет о светском портрете или о портрете «до пострижения в монахини», который упоминал Рындзюнский.

Портреты не экспонировались, не воспроизводились. Другими словами, совершенно не были востребованы в угоду господствовавшей тогда идеологии. Это же относится и к живописному портрету игумении Марии, переданному в музей в 1967 г. из Можайской церкви Ильи Пророка, и к отпечатку с дагерротипа, который подарил музею Ф.Н. Кардо-Сысоев в том же 1967 г. Посетители музея не имели никакой возможности ознакомиться с ними и составить представление о том, как выглядела вдова генерала Тучкова, основавшая монастырь на Бородинском поле.

Но времена изменились, и в музее появился интерес не только к ратным подвигам братьев Тучковых, но и к подвижничеству вдовствующей

щей генеральши Тучковой. После того как в 1975 г. комплекс построек Спасо-Бородинского монастыря был передан на баланс Бородинского музея и началась реставрация сохранившихся зданий, решено было воссоздать и ее дом-сторожку. Проект реконструкции в институте «Спецпроектреставрация» был сделан на основании данных археологических раскопок (июль–август 1984 г.), архивных фотоматериалов и библиографических описаний. Авторский коллектив возглавлял Н.И. Иванов (Научно-ведомственный архив ГБВИМЗ). Воссоздание дома началось в 1987 г. Работу же над его музеефикацией следует отнести к 1983 г. Тогда появилась первая концепция экспозиции в домике (автор О.В. Федорова). Места светскому портрету в ней не нашлось.

По мнению авторов научной концепции, созданной в 1992 г. (А.В. Горбунов и В.Е. Анфилатов), экспозиция должна была иметь мемориальный характер и рассказывать об «основных этапах жизненного пути М.М. Тучковой», а следовательно, и о светском периоде ее жизни. Как бы здесь пригодился светский портрет... Увы, его в фондах Бородинского музея уже не было.

Произошла нелепейшая, по нашему мнению, ошибка или недоразумение, для объяснения которого трудно подобрать слова.

В Научно-ведомственном архиве музея хранится рукописный текст – отчет по научной теме «Портреты семьи Тучковых и их родственников в собрании ГБМ (живопись, графика)». Он датируется 1986 г. и значит был заслушан научно-методическим советом музея в самом конце того года.

«Миниатюрный портрет неизвестной дамы в светском платье работы неизвестного художника первой половины XIX века, происходящий из дома М.М. Тучковой в СБМ, некоторое время считался изображением самой М.М. Тучковой. Но по утверждению некоторых специалистов, в частности известного искусствоведа М.Ю. Барановской, это, по-видимому, портрет Терезы Бовье, гувернантки сына Тучковых Николая».

Чем было подкреплено это более чем смелое заявление? Аргумент здесь виден сразу – это имя «известного искусствоведа Марии Юрьевны Барановской». Правда, ссылаясь на ее утверждение, автор заявляет о новой атрибуции не безапелляционно, а с оговоркой «по-видимому». М.Ю. Барановская умерла в 1977 г., за четыре года до прихода в музей автора научного исследования о портретах семьи Тучковых. Консультироваться с ней по поводу указанного портрета он никак не мог. Если Барановская атрибутировала портрет ранее, то где эта атрибуция? Она

атрибутировала устно? Но почему тогда через четыре года после ее смерти в Книге поступлений и в Инвентаре портрет записывают как «Миниатюра (портрет) Маргариты Михайловны Тучковой». И наконец, как удалось Марии Юрьевне Барановской, уникальному, энциклопедически образованному специалисту по декабристам, атрибутировать портрет гувернантки? Многолетний опыт работы в музее не проходит даром, и мы знаем, что такое атрибуция женского портрета. За отсутствием наград и прочих «форменных отличек» необходимо иметь хотя бы один известный портрет атрибутируемого лица. В ГИМе, где работала Барановская, есть изображения шести десятков «Терез», но Бувье среди них нет.

Трудно представить ситуацию, когда специалист из ведущего исторического музея страны приезжает в Бородино и сотрудники музея предлагают ему женский портрет для атрибуции, будто больше нечего показать, не о чем проконсультироваться...

Однако же зыбкое утверждение принимается на веру и... в Книгу поступлений и в Инвентарь вносится изменение, заверенное круглой печатью. Маргарита Михайловна Тучкова перестает быть собой, теперь она Тереза Бувье.

Портрет с этим именем 23 декабря 1986 г. отправляют в реставрацию. Там он задерживается на семь с половиной лет, а затем сразу размещается в экспозицию «Дом-музей игумении Марии», открывшуюся 12 мая 1994 г. Следует сказать, что в необъятных фондах ГИМа все эти годы пытаются найти светский портрет Тучковой и не находят. А под прибывшим из реставрации портретом красивым почерком пишут этикетку «Тереза Бувье». Так же он был обозначен и в акте выдачи, и в топографической описи.

Сотрудники фондов, уже не работающие, общими усилиями восстановили в своей памяти не выдерживающие критики доводы, приводимые в пользу внесения изменений в атрибуцию музейного предмета. Это и то, что Тучкова после пострига не могла хранить свой светский портрет, и то, что она в чепце «как гувернантка», и то, что платье простенькое... а это и не платье вовсе, а соболья мантилья.

Может быть, кто-то и сейчас сочтет эти доводы обоснованными... Кто-то будет говорить, что она на себя не похожа...

Признаться, шли переговоры с Лабораторией антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН о проведении экспертизы на основе монашеских портретов Тучковой. Но если бы эти портреты, как и исследуемый, были фотографическими.

Да и на всех ли монашеских портретах Тучкова похожа «сама на себя»? В этой связи, пожалуй, следует процитировать архивный документ 1811 г., в котором Анна Фабиановна фон Плебен, проживавшая в доме Нарышкиных, пишет Тучковой про ее портрет: «За портрет вам чувствительно благодарны и если бы не вы сами его мне прислали, я бы не могла верить, что это Вы. Как можно позволить себя так изуродовать...»¹³

От экспертизы отказались, но вопрос об атрибуции указанного музейного предмета обсуждался на заседании Экспертной фондово-закупочной комиссии 11 июля 2016 г. Члены комиссии пришли к общему мнению и постановили:

«1. Считать изменения, внесенные в Книгу поступлений и в инвентарную книгу коллекции «Живопись», безосновательными.

2. Вернуть прежнюю атрибуцию предмета, а именно считать, что на портрете изображена М.М. Тучкова».

Без малого 22 года ее называли чужим именем. Но все эти 22 года портрет находился в небольшой витринке-киотике рядом с портретом девятилетнего сына Николая и его письмом, написанным практически в том же возрасте. В нем мальчик, обращаясь к матери, по сути, пытался докричаться до нас: «Мама, жизнь моей жизни. Если бы вы смогли заглянуть в мое сердце, Вы увидели бы там Ваше имя!»¹⁴

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 259. Д. 1. Л. 130об–131.

² Там же. Оп. 745. Д. 261. Л. 1079.

³ Из письма А.Я. Булгакова к брату // Рус. архив. М., 1901. Кн. 2. С. 407.

⁴ Бородино. М., 1849.

⁵ *Борисов К.А.* Воспоминание о Спасо-Бородинском монастыре и его окрестностях. М., 1885.

⁶ *Брайковский А.А.* Монастырь во имя Спасителя на Бородинском поле и его основательница. М., 1912.

⁷ ГАОРСС МО. Ф. 7254. Оп. 1. Д. 4. Л. 40.

⁸ Цит. по: *Прохоров М.Ф.* Состояние экспозиционной работы Бородинского военно-исторического музея в середине 1930-х годов (по материалам отчета П.Г. Рындынского) // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XII Всерос. науч. конф. (Бородино, 2014 г.). М.: Полиграфсервис, 2005. С. 87.

⁹ ЦГА РСФСР. Ф. 2036. Оп. 69. Д. 2366. Л. 103–104.

¹⁰ Цит. по: *Прохоров М.Ф.* Указ. соч. С. 87.

¹¹ ЦГАОР СССР. Ф. 7021. Оп. 31. Д. 1046. Л. 11.

¹² Там же. Л. 14.

¹³ НИОР РГБ. Ф. 133. Карт. 5817. Д. 5. Л. 2об.

¹⁴ Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник. Коллекция материалов по истории Спасо-Бородинского монастыря.